

Георгий Чулков

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Современники

Оригинал находится здесь: [Серебряного века силуэт...](#)

Я хочу в этой главе дать кратчайшие заметки о некоторых людях и встречах, о коих я не успел сказать своевременно. Начну с ныне благополучно здравствующего и вовсе не ленивого поэта, до сих пор пишущего стихи и прозу, но почему-то не публикующего свои творения¹. Я говорю о Михаиле Алексеевиче Кузмине, авторе слишком известных «Александрийских песен»², изысканном стихотворце и очень своеобразном композиторе. Он начал свою литературную деятельность в «Зеленом сборнике»³, где была напечатана, между прочим, повесть В.Р. Менжинского⁴, который теперь так же, как и Кузмин, ничего не печатает. Пишет ли он теперь, я не знаю. Известность, несколько двусмысленную, М.А. Кузмин приобрел в те дни, когда журнал «Весы» напечатан его повесть «Крылья»⁵, отчасти биографическую. Я не принадлежал к тем лицемерным или искренним prudesh*, кои негодовали на односторонние пристрастия автора. Может быть, эта моя терпимость объяснялась знанием античного быта со всеми его слабостями. Я не мог не восхищаться дарованием этого поэта, несмотря на странность излюбленных им сюжетов. Chacun a son goût**. Но так как я никогда ни в какой мере не разделял вкусов поэта, то естественно, что у нас не могло быть особой нежности. Я думаю, что милейший М.А. Кузмин, откровенность коего всем известна, не посетует на меня, если я расскажу один наш забавный диалог. Однажды Михаил Алексеевич на вечере «Современной музыки»⁶ полушутя спросил меня, не враждебно ли я к нему отношусь. Я постарался его уверять, что очень ценю его как поэта и как очаровательного собеседника, но, будучи поклонником прекрасного пола, не могу чувствовать особой нежности к тем, кто не умеет восхищаться прелестями гётевской Маргариты или пушкинской Татьяны.

— Как! — вскричал Михаил Алексеевич. — Вы думаете, что я не ценю женского общества? Напротив! Я только тогда и чувствую себя хорошо, когда я окружен девушками.

Тогда наступила и мне очередь воскликнуть:

— О! В таком случае я готов примириться со странностями ваших сюжетов. Но как же вы сами объясните противоречия вашей психологии?

— Очень просто. Я не любопытен.

— Что? — изумился я.

— Я не любопытен, — улыбнулся Кузмин, глядя на меня своими неестественно большими глазами. — Мужчин влечет к женщинам любопытство. А я предпочитаю то, что мне уже известно очень хорошо. Я боюсь разочарований.

Конечно, со стороны М.А. Кузмина это было не более, как милая шутка, но эта улыбка